

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).

Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. – 1997. – № 5.

Путин В. Выступление в Колумбийском университете 26.09.2003. Режим доступа: www.kremlin.ru.

Barghoorn F. The Soviet Image of the United States: A Deliberately Distorted Image // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1954. Vol. 295 (42).

Simmons E. Political Controls and Soviet Literature // Soviet Society: A Book of Readings. Boston: Houghton Mifflin, 1961.

© Будаев Э. В., 2008

Баргхорн Ф. К.

Коннектикут, США

Перевод: Полякова И. С.

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ

СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ:

ПРЕДНАМЕРЕННОЕ ИСКАЖЕНИЕ

Эта статья посвящена официально одобренному Кремлем и Кремлем же созданному советскому образу Соединенных Штатов. Так как я не верю в то, что советская пропаганда является непобедимой, а советская мораль – неуязвимой, я хочу, прежде всего, сказать несколько слов об отношении к США обычного советского человека. Можно предположить, что тоталитарное государство боится своих подданных – наличие секретной полицейской машины является достаточным основанием для такого предположения. Оно боится своих подданных, потому что правит страной в большой степени с помощью террора и обмана, а такие методы вызывают недовольство. Я уверен, что в лучшем случае часть недовольства внутри Советского Союза происходит благодаря тому, что Америка выступает как главный источник и символ сопротивления кремлевской власти. Вдобавок, существует стойкая традиция дружбы с Америкой среди украинцев, грузин, русских и других народов, живущих под властью кремлевского режима. Одним из самых важных направлений советской политики начиная с 1945 года было стремление уничтожить эту традицию. Насколько я могу судить, эти усилия разжечь ненависть не были столь успешны, как мог бы ожидать человек, верящий в абсолютную способность тоталитарного режима формировать общественное мнение. Однако время, несомненно, будет на стороне Кремля, если не появятся другие силы как внутри советского общества, так и вне его. Чтобы сделать эти силы максимально эффективными, мы должны знать, что Кремль говорит своим подданным. Даже краткое изучение советской пропаганды требует разработки теоретической базы, на ос-

новании которой должны пониматься все заявления, символы и темы¹. Среди элементов, из которых складывается советская пропаганда, необходимо выделить, прежде всего, идеологию, холодный расчет и циничную демагогию. В Советском Союзе марксистско-ленинская доктрина в значительной степени превратилась из утопии в идеологию в том смысле этих терминов, как их использует Карл Мангейм в своей классической работе «Идеология и утопия». Однако, по моему мнению, сказанное относится в большей степени к внутренней, чем к внешней политике Кремля. Советы выработали общественную систему, которую можно охарактеризовать с помощью термина «государственно-монополистический капитализм». Новая элита использует марксизм-ленинизм как средство оправдания своей власти. Сложности в сохранении цельности советской доктрины, возникающие в результате несовпадения положений марксистского учения с реальной жизнью весьма значительны. Тем не менее, возможно, что они не так велики во внешней политике, как во внутренней. Вполне очевидно, что советская элита заинтересована в том, чтобы убедить самих себя и заставить верить своих подданных, что в СССР существует «социализм».

Еще больше они заинтересованы в том, чтобы закрепить мнение о «капиталистическом» мире как о недоброжелательной, агрессивной и одновременно нестабильной и разрушительной силе – такой, какой ее видели или представляли себе Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Сомнения, порожденные реальной жизнью в стране, компенсируются, вуалируются или погашаются привилегиями, пропагандой и полицейскими методами. Этот политический арсенал в совокупности с очень важным и сложным механизмом, общеизвестным как «железный занавес», используется для предотвращения иностранного влияния, направленного на подрыв единства между реальностью, обозначенной в доктрине, и реальностью, провозглашенной кремлевской пропагандой.

Требуется немало холодного расчета для осуществления упомянутого выше процесса. Маркс призывал своих учеников изменить мир. Советские правители стремятся реорганизовать его в соответствии с советской моделью. Но они должны принимать во внимание силы, противостоящие реорганизации, а также людей,

¹ Литература по советской идеологии и пропаганде, которая еще недавно была немногочисленной, сегодня стала настолько объемна, что невозможно составить достаточно представительный список для данной работы. Однако среди авторов, внесших значительный вклад в разработку этой темы, следует упомянуть хотя бы следующих: Раймонд А. Бауэр, Вальдемар Гуриан, Алекс Инкелес, Джордж Кеннан, Натан Лейтес, Джордж А. Морган, Баррингтон Мор младший, Итиел дэ Сола Пул и Сергиус Якобсон. Ряд кратких, но весьма полезных статей о различных аспектах советской пропаганды содержатся в сборнике, недавно изданном издательством «The Johns Hopkins University Press» под названием «The threat of Soviet Imperialism» (Baltimore, 1954).

не желающих «перевоспитываться» в соответствии с моделью «нового советского человека». Вся история большевизма демонстрирует необыкновенную ловкость, хладнокровие и настойчивость в осуществлении расчетов власти на «изменение мира» и одновременно на выживание и рост во враждебном окружении. Как отмечает Г. Морган, «Ленин и его последователи были не романтичными а, скорее, прагматичными фанатиками»².

Мы кратко остановились на «идеологических» и «рациональных» факторах, лежащих в основе советского поведения, включая поведение в области пропаганды. «Демагогический» или «манипулирующий» элемент в советской пропаганде приобретает необычайно своеобразные формы. В советской пропаганде необычайно высока роль обмана или, как его называют некоторые авторы, «преднамеренной дезинформации». В работах Ленина содержится немало призывов к большевикам «использовать» временных союзников, которые подлежат устранению или, при необходимости, уничтожению после того, как они сыграют свою роль. Социальные классы и национальные движения, включающие десятки тысяч и даже миллионов человек, были использованы таким образом, а затем ассимилированы, подавлены или даже «ликвидированы» в соответствии с ленинским лозунгом. Однако большевистский вариант пропагандистской демагогии не является обманом в обычном понимании смысла этого слова. Такая политика становится особенно опасной, так как доктрина и практическая деятельность большевизма оправдывают и превозносят наиболее утонченные формы искажения и обмана как высокоморальные поступки. Цели оправдывают средства. Недостойные средства могут рассматриваться в качестве инструмента для решения «временной» ситуации. Можно заметить, что в рамках данной доктрины эти недостойные средства являются «саморазрушительными», так как они ассоциируются с обществом и типом общественных институтов, которые неизбежно обречены на исчезновение.

ПРЕИМУЩЕСТВА И МАСТЕРСТВО СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Эти элементы, вероятно, не являются исключительно большевистскими. Уникальными являются их особые формы, комбинации, соотношения и объемы. Очень важно понять, что монополия на использование технологий медийной пропаганды в советской системе принадлежит немногочисленной группе людей. Тип организации, которым они располагают, предоставляет им огромные преимущества. В очень высокой степени он дает им мировую инициативу в политике и пропаганде. Внутри

страны они могут проводить политику максимальной интеграции, в то время как их внешняя политика может быть направлена на абсолютную дезинтеграцию. Конечно, это монопольное положение, вытекающее из политической и экономической монополии советской элиты, имеет ряд соответствующих недостатков. Кремль, даже в большей степени, чем верхние эшелоны элиты вообще, вынужден бороться за то, чтобы предотвратить отделение и изоляцию от реальности. До сих пор Кремлю удавалось решить эту проблему с удивительным успехом. Он выработал политическую, экономическую, военную и психологическую политику, которая сочетает исключительную стабильность целей с высокой гибкостью методов. Методы, с помощью которых был достигнут такой результат, известны недостаточно хорошо и не могут быть описаны и проанализированы в данной статье, но одной составляющей этих методов является, безусловно, повышенное внимание советских правителей к проблемам информации и разведки.

Лозунг для каждого периода

Твердо придерживаясь главной цели – поддержания и расширения зоны прямого административного советского управления и усиления щупальцев, которые протянулись в несоветские страны, Кремль принимает «генеральную линию» для каждого исторического периода, и, в определенной степени, для каждой политической ситуации и для каждого географического и культурного региона. Баланс конфликтующих интересов достигается на основе обширной информации и с помощью «коллективного» или «коллективного» метода принятия решений на самом верху. Мы знаем об этом процессе гораздо меньше, чем нам хотелось бы знать, но удивительно, что для каждой исторической ситуации существуют свои темы и даже лозунги. Конечно, они подвергаются изменениям без предупреждения.

Во время второй мировой войны значительная часть советской политики сводилась к часто повторяемому лозунгу «все для фронта». По окончании войны два других лозунга приобрели особое значение. Одним из них был лозунг «морального и политического поражения фашизма», который служил оправданием политики приведения «демократических» сил к управлению везде, где действовала советская военная и полицейская власть. С этим было также тесно связано обеспокоившее проницательных иностранных обозревателей в Москве в 1944 и 1945 годах требование усиления «военно-экономической мощи Советского Союза». Эти лозунги отражали понимание Кремлем того, что период равнения международных сил на «англо-советско-американскую коалицию» подходил к концу. Я уже писал об этом периоде и о ранних стадиях холодной войны в других рабо-

² The threat of Soviet Imperialism, p. 28.

тах, и поэтому не буду даже пытаться кратко охарактеризовать их в этой статье³.

«Доктрина Трумэна», план Маршалла и нервное напряжение, связанное с блокадой Берлина и корейской войной – все эти события принадлежали следующему периоду, описанному покойным Андреем Ждановым в его речи в честь основания Коминформа как борьба «двух лагерей». Конечно, наиболее важным событием этого периода была первая попытка мирового коммунизма распространить свое влияние с помощью военной силы в прямом столкновении с Соединенными Штатами. Я твердо убежден в том, что корейская война была крупной ошибкой Кремля. Основным последствием этой ошибки в исключительно сложной системе отношений был не столько вызов сопротивления со стороны Америки, сколько два других фактора: угроза и впечатляющая экономическая и военная мобилизация Соединенных Штатов и, что еще важнее, общее чувство тревоги и решимости Запада сопротивляться советской коммунистической агрессии. Здесь, конечно, не место для того, чтобы попытаться ответить на вопрос, почему коммунисты сделали этот конкретный шаг. Этому, вероятно, в большой мере способствовала победа коммунизма в Китае. Очевидная неспособность Запада справиться с этим бедствием, возможно, вызвала чувство самонадеянности. В то же время, растущий оптимизм по поводу перспектив развития всего «колониального» мира, который возрастал начиная с 1945 года, также внес свой вклад. Однако поражение при Дьенбьенфу и неспособность западных держав эффективно противостоять тактике Китая и Советского Союза в Индокитае и на Женевском совещании министров иностранных дел создают угрозу того, что коммунистам удастся вернуть, возможно, даже с избытком все то, что они потеряли в Корее.

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

Порожденная корейской войной атмосфера вызвала сильную обеспокоенность и напряжение в Советском Союзе. В отношении советской пропаганды можно с полной уверенностью утверждать, что иррациональные воззвания, предназначенные для обеспечения массовой поддержки внутри страны, используются особенно широко, когда режим обеспокоен возможностью международного конфликта. Вряд ли Кремль когда-либо полностью, или хотя бы частично «чувствует» те сантименты, которые он пытается вызвать у русского и других наро-

дов во время кризиса. Тем не менее, он очень убедительно манипулирует символами патриотизма и защиты отечества от иноземных угроз. Первая широкомасштабная попытка использования символов русского национализма была сделана большевиками во время войны с Польшей в 1920 году, когда советское правительство сделало известного царского генерала Брусилова председателем специальной военной конференции⁴. Обычно скрытые, элементы русского патриотизма, которыми режим мог бы манипулировать, были максимально использованы во время Второй мировой войны.

Во время корейской войны, особенно в речи ветерана-пропагандиста П. Н. Поспелова, посвященной ленинскому дню 21 января 1951 года, Соединенные Штаты и американский народ были гневно осуждены как извечные враги русского народа. Тон речи Поспелова и большинства советской пропаганды этого периода свидетельствовали о том, что Кремль планировал расширение корейского конфликта. Эта речь была полна положительных патриотических символов, таких как «Россия», и отрицательных символов типа «кровососы», «звери», «людоеды», отражающих зоологическую ненависть к Соединенным Штатам. К этому периоду относится также создание советскими и китайскими коммунистами бактериологических артиллерийских зарядов. Пропаганда корейской войны была призвана максимально мобилизовать население Советского Союза, Китая и союзных государств на возможность любых последствий этой войны. Как и вся советская пропаганда, она имела превентивный и предвосхищающий характер. Ее минимальной целью было усиление образа американского «варварства». Во-вторых, она была предназначена для того, чтобы предотвратить использование американцами авиации, атомного и бактериологического оружия против Китая. И, наконец, она оправдала бы использование Китаем или Советским Союзом супервооружений.

ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ

Возможно, что начало переговоров о перемирии в Корее обозначило начало новой фазы в советской политике. Заявления на XIX съезде партии, в особенности статья Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и его прощальное обращение к иностранным коммунистам подтвердили и определили новую тактику. Сталин выразил уверенность в том, что «противоречия» между капиталистическими державами, скорее всего, приведут к войне внутри капиталистического мира, чем между этим миром и странами советского блока. Таким образом, из всего арсенала доктрин он выбрал те, которые подходили к политике данного периода.

³ Barghoorn F. The Soviet Image of the United States. – New York, 1950. По вопросу использования соответствующей «линии» для данной исторической ситуации см.: КПСС в резолюциях. – М., 1953, т. 1, с. 517. Хотя в этом источнике речь идет о начале Новой экономической политики (НЭПа) 1921 года, он выражает основное правило советского поведения, которое действует и сегодня.

⁴ Fedotoff D. White. The Growth of Red Army. – Princeton, 1944, p. 210-211.

«ОСЛАБЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ»

Однако полное развитие линии XIX съезда партии не получило своего полного воплощения до периода после смерти Сталина. Вообще говоря, кажется, что ко времени написания статьи в июне 1954 года, несмотря на многочисленные отклонения, период после смерти Сталина сформировался как самостоятельный этап в советской политике по отношению к Соединенным Штатам⁵. Сталинские последователи действовали под лозунгом всеобщей кампании за «ослабление международной напряженности». Это ключевой лозунг периода, который мы сейчас переживаем, и он направлен, конечно же, против Соединенных Штатов. Иногда используются и другие формулировки, например такие как «мировая кампания за переговоры»⁶. К концу этого периода Кремль стал проявлять большую уверенность в своих силах и начал оказывать давление на дрогнувший Запад. Ярким подтверждением этого является тот факт, что в первомайских лозунгах 1954 года («Правда», 21 апреля 1954) отсутствовало включенное в соответствующие призывы 1953 года утверждение о том, что не существует такого вопроса, который нельзя было бы решить с помощью переговоров. В оставшейся части статьи я попытаюсь сделать краткий аналитический обзор использования в пост-сталинский период темы «переговоров» против Соединенных Штатов. Одним из первых заметных воплощений этого тезиса была передовая статья в «Правде» от 24 мая 1953 года. Этот жизненно важный документ, занявший всю первую страницу «Правды», был ответом на речь премьер-министра Черчилля в Палате Общин в поддержку переговоров между западными лидерами и новым кремлевским руководством. Поддерживая инициативу Черчилля и положительно оценивая ее по сравнению с заявлениями президента Эйзенхауэра от 16 апреля и 20 мая, эта передовая статья отвергла предложение Черчилля о новом Локарно. Понимание Черчиллем германской проблемы было неверным, так как оно предполагало последовательное расчленение Германии, а «идея Локарно» не давала гарантии безопасности соседям Германии – Франции, Бельгии, Голландии, Польше и Чехословакии. Было искусно рассчитано, что передовая статья сыграет на разногласиях Соединенных Штатов и Великобритании. Хотя в статье и критиковалась суть предложений Чер-

чилля, его призыв о встрече великих держав на высшем уровне был поддержан. Это предложение противопоставлялось «вялым попыткам установить международное понимание» других западных государств.

Упомянутая выше передовая статья содержала резкую критику англо-франко-американской конференции министров иностранных дел, которая к тому времени была уже запланирована. После того, как эта конференция состоялась, 23 июля «Правда» напечатала в своей передовице комментарий об этой конференции. Одним из главных положений этого комментария было утверждение о том, что три западных державы проведением конференции продемонстрировали попытку обязать четвертую сторону, СССР, выполнять решения, выработанные «за его спиной». В этой передовой статье и в других заявлениях, сделанных летом 1953 года, высказывается контраргумент о том, что простые люди выражают мнение о необходимости проведения настоящей четырехсторонней конференции. Это народное пожелание заставило Госсекретаря Даллеса в конце концов согласиться с проведением четырехсторонней конференции. Делая это заявление, советская пресса также выразила сомнение в том, что западные страны, ведомые Соединенными Штатами, делают все возможное для «предотвращения реального снижения международной напряженности». Из этих передовых статей и из дальнейших заявлений возникает главный элемент «крупномасштабной» советской политики. Советская кампания за переговоры является всего лишь современной версией старой, но мощной большевистской стратегии, состоящей в попытке приписать ответственность за агрессию лидерам «капиталистического» мира. Что еще более характерно, советская пропаганда пытается использовать ситуацию, создавшуюся после в конечном итоге удачных мирных переговоров по Корее, и другие факторы, связанные с постсталинским раскладом международных сил, для того, чтобы показать, что если бы Соединенные Штаты захотели проявить достаточно доброй воли и понимания, то в холодной войне не было бы необходимости. Москва пытается навязать Вашингтону роль «противника мирного процесса».

СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА
В 1953 И 1954 ГГ.

Советская пропаганда по всем главным международным событиям 1953 и 1954 годов до сих пор точно укладывается в описанные выше рамки. Возвращение к конференциям великих держав по типу Ялтинской и Потсдамской конференций было, конечно, тем, к чему Кремль на самом деле стремился. Они надеялись использовать такие встречи для замедления западных мероприятий оборонного характера и для вбивания клиньев между и внутри

⁵ Наблюдалось важное «ужесточение» советской политики после падения Берии, но невозможно сказать, было ли реальное различие между внешней политикой Берии и политикой его врагов.

⁶ Передовая статья «Правды» от 24 июня 1953 года содержала это выражение, но одновременно предупреждала, что использование силы против любого «национально-освободительного движения» может привести к созданию «нового очага войны».

несоветских стран. Отказ от их проведения был окрещен как «реакционная» политика, направленная на поддержание гонки вооружений и доходов капиталистов. Советская пресса, дипломатический корпус и аппарат международных организаций коммунистического фронта, особенно Всемирный Совет мира, очень активно требовали проведения конференций такого типа. Советы требовали проведения конференций великих держав, а также заключения «мирного пакта» между Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, СССР и коммунистическим Китаем даже задолго до смерти Сталина. Новым и особенно коварным после смерти Сталина было то, что произошла смена декораций, посредством которой Москва пыталась показать, что наступила бы новая эра, если бы Вашингтон проявил достаточно понимания и пошел бы на удовлетворение желаний Москвы для «ослабления международной напряженности» хотя бы наполовину.

В данной статье недостаточно места для обсуждения или даже простого перечисления многочисленных второстепенных мер, принятых Кремлем для создания впечатления о том, что их новая пропаганда идет успешно. Среди этих мер необходимо отметить возобновление дипломатических отношений с Югославией, снятие некоторых произвольных и возмутительных требований, предъявленных ранее сталинским режимом по Турции, предоставление виз советским женам нескольких американских граждан и, возможно, самый важный и эффектный жест – ряд действий, направленных на возобновление более нормальной модели культурных отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Маленков даже посвятил целый параграф культурным отношениям в своей очень важной речи 8 августа 1953 года. Характерно то, что он упрекнул Соединенные Штаты в том, что они якобы сделали невозможным приезд команды советских шахматистов в эту страну (США) и предположил, что тем самым, как и многими другими действиями, приписываемый Соединенным Штатам обструкционизм разрушал положительные и конструктивные усилия СССР.

Военные планы США – до Сталина и после него

Но, как мы уже отмечали в связи с темой «ослабления напряженности», старая проблема войны и мира все еще лежала в основе советской пропаганды в отношении Соединенных Штатов. Для сравнения до-сталинского и пост-сталинского образа «американской угрозы» так, как Москва видит, или притворяется, что видит его, требуется значительно более глубокий анализ, чем может быть предложен в данной статье. Но абсолютно ясно то, что постсталинский подход является, по крайней мере, внешне, более надежным и менее напряженным и

настойчивым. Это можно сразу увидеть, сравнив речь Маленкова 5 октября 1952 года с его важным обращением от 8 августа 1953 года⁷. Какой бы качественный или количественный анализ мы ни использовали, мы обнаружим, что в документе 1953 года тема опасности или конфликта и внешней агрессии была заметно приглушена по сравнению с документом 1952 года. Из документов постсталинского периода резко исчезают наиболее оскорбительные и зажигательные символы, такие как «агрессор», «поджигатель войны», «людоед», «кровосос», которые широко использовались в вокабуляре советской внешней политики позднего сталинского периода. Вообще говоря, можно сказать, что если до смерти Сталина, вплоть до самого XIX Съезда партии и даже после него Соединенные Штаты обвинялись в заговоре и даже в планировании войны против Советского Союза, то сейчас главный упор делается на приписываемую Соединенным Штатам роль обструкциониста в решении основных вопросов международной политики, таких как Германская проблема, положение Китая среди великих держав, война в Индокитае. Но все-таки время от времени высказываются обвинения в адрес Соединенных Штатов в том, что их «правящие круги» или «реакционные силы» планируют новую войну. Настоящий поток таких обвинений полился после Берлинской конференции, но не сразу по ее окончании, а в связи с выходом московской интерпретации тезисов о политике Соединенных Штатов на предстоящей Женевской конференции. Например, «Правда» от 26 марта 1954 года в одной из своих специальных передовых статей обрушила яростную атаку на госсекретаря Даллеса⁸. Передовая статья называлась «Сеятели страха и нагнетатели военной истерии». Она атаковала заявление господина Даллеса в сенатском комитете по международным отношениям от 19 марта, а также его речь в совете по международным отношениям от 12 января. Среди прочего, в передовице отмечалось, что «заявления Даллеса – не что иное, как попытка разжечь военную истерию в Соединенных Штатах с целью удовлетворить крайне агрессивные круги в США, недовольные результатами Берлинской конференции. ...» Тема «сеятелей страха» была продолжена в статье от 31 марта, в которой утверждалось, что «истерические вопли» господина Даллеса навредили американскому правительству дома и за рубежом. В «Правде» говорилось, что они никого не напугали и что для сокрытия этого «поражения» американская «буржуазная» пресса хранила молчание о советском ответе

⁷ См.: «Правда», 6 октября 1952 г. 9 августа 1953 г.

⁸ Обычно первая полоса советской газеты представляет собой набор постоянно воспроизводимых от номера к номеру штампов, но иногда важные специальные передовицы посвящаются текущим событиям.

на эти запугивания. Такие высказывания, однако, звучат относительно мягко по сравнению с преобладающим тоном советских комментариев на международные отношения в период до XIX Съезда партии.

Эти атаки представляют собой один аспект двунаправленной наступательной политики. Другим аспектом являются обещания и маневры, направленные на то, чтобы доказать народам мира, а также колеблющимся представителям элиты и правительственных кругов в Европе, что более не существует необходимости в делении мира на системы союзников и военные блоки. Первоклассным примером такой тактики до сих пор является предложение Молотова о том, чтобы Советскому Союзу было дано разрешение на вступление в НАТО.

Военная политика США

Этот набросок сегодняшнего советского образа Соединенных Штатов был бы явно не полным, если бы не принял во внимание американскую военную политику так, как ее видят в Москве. В течение всего послесталинского периода шло последовательное осуждение американских военных баз за рубежом. Характерное заявление было сделано маршалом Булганиным в его первомайском обращении в прошлом году, в котором он заявил: «Но так как до настоящего времени отсутствуют признаки того, что Соединенные Штаты снижают гонку вооружений и сокращают широкую сеть военных баз, распространенную на территории многих государств в Европе и Азии, и особенно на территории, граничащие с Советским Союзом, наше правительство в будущем предпримет усилия, необходимые для гарантии защиты и безопасности нашей Родины ...»⁹. В речи 8 августа 1953 года Маленков сделал значительный упор на проблему безопасности советских границ, особенно в Средней Азии. В самое недавнее время была высказана резкая критика в адрес американских переговоров с Испанией, Пакистаном и другими странами в отношении военных баз.

Еще одной важной темой выступают советские обвинения Соединенных Штатов в том, что они экипируют, тренируют и поддерживают иностранные войска. Особенно важной является кампания, так четко выделенная в заявлении Молотова на недавней Конференции министров иностранных дел в Берлине, о том, что Соединенные Штаты стараются создать новый вермахт. Во время осени и зимы 1953-1954 гг. советская пресса изобиловала тенденциозно представленными новостями по поводу встреч немецких ветеранов войны, похожие новости публиковались и об Австрии. Другой весьма заметной темой, которую можно назвать в этой

связи является утверждение о том, что германские промышленные и военные круги планируют новый аншлюс с Австрией.

Довольно естественно, но в крайне зажига-тельных и искаженных формах советские государственные деятели и органы пропаганды продолжают упорно пробивать тему «бдительности» по отношению к агентам «империалистических» держав, реально или потенциально угрожающих Советскому Союзу. Особенно историчный характер «кампания за бдительность» имела в месяцы перед смертью Сталина, но и сегодня эта тема жива благодаря таким событиям, как выдвинутое в конце марта 1954 года обвинение против четырех членов американской военной миссии в СССР, которые, якобы, занимались шпионской деятельностью во время поездки из Владивостока в Москву. Вполне возможно, что этот шаг был предпринят Москвой как контрудар в ответ на побег в Японию агента МВД Растворова, явившегося для Москвы крайне неловким событием. Время от времени появляются нападки на якобы существующие планы Соединенных Штатов, направленные на вербовку советских граждан для подрывной работы в СССР, обычно в связи со средствами, выделенными согласно закону о взаимной безопасности для помощи беженцам из стран железного занавеса.

Нападки на различные стороны того, что мы называем политикой «освобождения», достигли значительной высоты в течение нескольких недель после восточногерманского восстания 16 и 17 июня 1953 года. Восстание явилось для Кремля неожиданным ударом и, возможно, было каким-то образом связано с падением Берии. Мы не можем отдать должное этому важному событию в этой статье, но необходимо отметить, что советская реакция на него была обеспокоенной и неискренней. Советская пропаганда, конечно, попыталась преуменьшить подлинно народные элементы восстания. Оно было приписано «фашистским наемникам». Среди всего прочего, советская пресса выдвинула обвинение, что «берлинская авантюра» была инспирирована американской «службой разведки». Совсем недавно советские лидеры обвинили Соединенные Штаты в том, что они нанимали агентов для свержения советского режима на Украине.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА США

Даже в таком кратком обзоре как этот, нельзя не остановиться на обсуждении американской экономической и политической системы. Центром марксистско-ленинской доктрины по международным отношениям является тезис о том, что внешняя политика «империализма» неизбежно проистекает от сил, созданных капиталистической экономикой. Ленинская ортодоксальная точка зрения на этот важный момент

⁹ «Правда», 2 мая, 1953 г.

получает постоянную поддержку. Едва заметное отклонение от устаревшего ленинского образа капиталистических общественных отношений, замеченное в известной работе Евгения Варга «Изменения в экономике капитализма как результат Второй мировой войны» не пережило политику послевоенной реконверсии, и, по сведениям автора, в постсталинском периоде нет ничего, что могло бы свидетельствовать о движении к более тонкому и реалистическому подходу. Поэтому неудивительно, что «Правда» и другие издания в доброй старой традиции публиковали материалы о продолжающемся обнищании американских рабочих и фермеров, моральном и культурном вырождении и прочих явлениях в духе ленинского мифа.

Подобная ортодоксальность проявляется и в отношении к американской внутренней политике. Типичной в этом плане была статья И. Филиппова в «Правде» от 11 августа 1953 года. Филиппов мягко критиковал президента Эйзенхауэра за его якобы попытку представить деятельность восьмидесят третьего по счету конгресса «в наиболее благоприятном виде». По мнению советского журналиста, новый конгресс не мог отличаться от предыдущего. Его политика не изменилась, так как его классовый состав оставался прежним. Он состоял из адвокатов, бизнесменов, журналистов, богатых фермеров и нескольких реакционных лейбористских лидеров. Он просто продолжал программу Трумэна. Таким образом, советский образ американской внутренней политики мало отличается от того образа, который преобладал до смены руководства как в СССР, так и в США. Даже отношение к сенатору Маккарти и к людям с подобным образом мышления изменилось незначительно. Вообще Маккарти уделялось относительно мало внимания. При этом использовалась смесь тенденциозной критики с сатирой. Маккарти много раз подвергался критике и в американских, и европейских источниках. Очевидно, что советская пресса пытается использовать «Маккартизм» ни коим образом не с целью совершенствования советской политики или решения проблем коммунизма, а для демонстрации патологических тенденций в американской социальной и политической системе.

В течение всего рассматриваемого периода государственный секретарь Даллес был главной мишенью советской критики. Его часто называют «лидером» или «рупором» «наиболее агрессивных сил в Америке». В отличие от этого, критика в адрес президента Эйзенхауэра редко высказывается прямо, и если даже такое и происходит, то критикуется президент относительно мягко.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Я приберег в качестве последнего объекта для описания наиболее важные черты советского постсталинского образа Соединенных

Штатов. В советском отношении к атомному, водородному и другим супервооружениям наблюдаются поразительные новые оттенки. Главной отличительной чертой нового советского подхода является намного более свободная интерпретация, высказываемая самим режимом через свою монолитную прессу, таких вопросов, как советские и американские возможности в области этих вооружений. Возможно, что начало новому направлению было положено заявлением Маленкова в речи 8 августа по поводу того, что Соединенные Штаты больше не владели монополией на водородную бомбу. Маленков, Молотов и Булганин в середине марта делали прямые или «косвенные» заявления, из которых «было понятно, что Россия в состоянии адекватно ответить на любую ядерную атаку»¹⁰. Возможно, что эти заявления отражают возросшее чувство силы и безопасности советского режима, вызванное его прогрессом по сравнению с 1949 годом, когда президент Трумэн объявил о первом советском атомном взрыве. Но эти заявления, и в особенности приписывание агрессивных намерений Соединенным Штатам, против которых эти заявления делались, представляют собой только одну сторону полномасштабной политической игры Кремля с целью создания искаженного образа Америки. В частности, кажется, что, начиная с речи Маленкова, произнесенной в августе прошлого года, Москва старается направить исключительно против Соединенных Штатов страх, вызванный существованием оружия, которое с американской стороны было создано как главный элемент защиты от возможностей Советского Союза вследствие преимущества в населении, географическом положении и других факторах.

Предложение президента Эйзенхауэра на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций о создании общего фонда расщепляемых материалов для употребления в мирных целях сначала не было отвергнуто, но подверглось комментарию на первых страницах советских газет 22 декабря, спустя две недели после того, как оно было сделано. Комментарий, как и сделанное ранее сообщение о предложении, не содержал наиболее важных размышлений президента о разрушительной силе супероружия. Он был уклончивым и вращался, главным образом, вокруг идеи о том, что такие ограничения по использованию оружия массового поражения, как Женевский протокол 1924 года о химическом и бактериологическом оружии, могут дать «положительные результаты». Возможно, что такие заявления были призваны проторить путь для явно окончательного отклонения плана президента в начале мая.

¹⁰ Гарри Шварц в «Нью-Йорк таймс», 18 марта 1954 г. С марта в Москве было сделано несколько дополнительных более резких заявлений по этому вопросу.